

Протоиерей **Николай Доненко**
КОНФЛИКТ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ
(ИСТОРИЯ ПРЕДНАМЕРЕННОГО УБИЙСТВА ИГУМЕНА ПАРФЕНИЯ)

Крым уникален еще и тем, что, имея все возможности стать горячей точкой, до сих пор ею не стал. Но предпосылки и возможность остались не востребованными и, несомненно, представляют политический интерес для определенных кругов. Неосторожный жест, непродуманные действия могут вызвать цепную реакцию с мало предсказуемыми последствиями в самых неожиданных направлениях.

В мае 1998 года в Крыму был установлен мемориальный комплекс – символическая могила трех татар, казненных за убийство игумена Кизилташского монастыря Парфения. Как сказал местный мулла, это памятник не только казненным по решению военно-полевого суда, но всем крымским татарам, всему народу.

В начале 2000 года Синодальная комиссия Русской Православной Церкви по канонизации новомучеников и исповедников Российских приняла решение о причислении к лику святых настоятеля Кизилташского монастыря игумена Парфения.

Всякое место, освященное Богом и украшенное молитвенным подвигом, не остается пустым и забытым, но по неисповедимым судьбам Промысла Божия в разное время и в силу разных обстоятельств к нему обращаются людские взоры. Таков и древний Кизилташский монастырь, находящийся в горах между Судаком и Феодосией.

Пожалуй, только со швейцарскими Альпами можно сравнить возвышенную красоту лесистых гор, на склоне одной из которых расположена Кизилташская киновия. По преданию именно здесь располагалась летняя резиденция великого защитника и почитателя икон святителя Стефана, архиепископа Сурожского, исповедника.

Со временем это место пришло в запустение, и его посещали только жители окрестных сел и пастухи. Около 1825 года в одной из пещер в целебном источнике татарин-пастух нашел икону Божией Матери и передал ее греческому купцу Пластару, а тот, в свою очередь, феодосийскому протоиерею Иосифу. Эта древняя икона в серебряной позолоченной ризе была перенесена в церковь святителя Стефана, и с той поры христиане снова стали усердно посещать пещеру с целебным источником и служить в ней молебны.

В 1830 году на этом месте поселилась болгарская подвижница Константина. Она несла свой подвиг до прибытия сюда иноков, после чего удалилась к источнику святой Параскевы, где впоследствии возник женский Топловский монастырь.

В 1856 году другой светильник Таврической земли, почитатель древних святынь – архиепископ Иннокентий (Борисов), в то время управлявший епархией, возобновил Кизилташскую киновию. По его благословию монахи Андроник и Пантелеймон устроили в построенном из плетня и помазанном глиной доме церковь в честь святителя Стефана Сурожского.

Первым настоятелем был иеромонах Арсений (из братии св. Георгиевского монастыря на Фиоленте), но там он пробыл недолго, всего три года, оставив небольшой ветхий домик и четыре землянки, в которых размещалось одиннадцать человек братии, собранных о. Андроником. По отзыву о. Арсения, братия была малограмотной, не умела хорошо читать и петь.

Вне сомнения, самым ярким, выдающимся наместником киновии был игумен Парфений, пришедший на смену о. Арсению.

Удивительно разносторонний, успешный во всех своих начинаниях, о. Парфений остался в памяти крымчан не только благодаря своей подвижнической жизни и великим трудам на благо обители, но, в первую очередь, в силу своей мученической кончины.

Кизилташ – слово татарское: кизил – красный, таш – камень. Именно таким, кроваво-красным камнем, о который и ныне претыкаются крымские татары, остается в нашей памяти злодейское убийство игумена Парфения. Пролитая невинная кровь и сегодня хоть и воспринимается по-разному, никого не оставляет равнодушным.

Даже в самых красивых и поэтических местах земли совершаются гнусные преступления, такие же отвратительные, как и ложь, пускаемая вдогонку, без которой злодеяние не бывает вполне завершённым. Пережив своих авторов, она стала краеугольным камнем в установке памятника тем, кто по злему умыслу и религиозному фанатизму, убив игумена, сожгли его тело. В относительно древней истории крымских татар, хоть и было много войн, но почему-то осталось удивительно мало героев. Видимо, по этой причине идеологи «татарского возрождения», насыщая и «героизируя» свою историю, решили объявить национальными героями казненных более 130 лет назад за предумышленное убийство, совершенное по низким мотивам татакташских поселян.

Порой чья-то неразумная настойчивость в утверждении обратной истине заставляет нас еще раз, не выходя за пределы фактов и архивных документов, посмотреть на однажды случившееся по-новому.

Игумен Парфений родился в 1815 году в «мещанском городе Елисаветграде», как это было записано в его послужном списке. Там же, окончив курс духовного училища, 15 мая 1840 года поступил послушником в Введенский монастырь в Петербургской губернии Новоладогского уезда. Через два года был переведен в Херсонский архиерейский дом, где исполнял должность казначея. 23 декабря 1845 года, утвердившись в своем жизненном выборе, он принял монашеский постриг и вскоре, 8 апреля 1846 года, был рукоположен во иеромонаха. С июля 1848 года отец Парфений – благочинный Корсунского монастыря, позже снова в Херсонском архиерейском доме – эконоом. Через два года поступил в число заштатных иеромонахов Балаклавского Георгиевского монастыря. 30 марта 1852 года о. Парфений был отправлен для исполнения треб в Тегинское укрепление черноморской береговой охраны, где отличился своим инженерным талантом. В августе 1852 года он предложил «легчайший способ поднятия затонувших грузов», чем заинтересовал князя Воронцова, и для обсуждения проекта был им приглашен в Боржоми, в его летнюю резиденцию. Машина для поднятия небольших тяжестей (до 400 кг) была одобрена генералом Гангиным, за что по распоряжению Воронцова о. Парфений был награжден ста рублями. Начальнику же Черноморской береговой линии полковнику Кулябкину было «предписано по проекту о. Парфения устроить в Сухуми малую подъемную», после чего специальной комиссией это изобретение было одобрено и «предписано устраивать подобные машины для портовых надобностей».

В 1854 году по приказу начальства Тегинское укрепление было уничтожено, в результате чего все имущество отца Парфения, находившегося в командировке, пропало.

В 1855 году о. Парфений был помощником благочинного, и, когда с 28 февраля по 4 марта пять неприятельских судов обстреливали Новороссийск, он перед лицом смертельной опасности неотлучно исповедовал и причащал раненых и отпевал погибших воинов, за что был награжден наперсным крестом на Георгиевской ленте. После увольнения о. Парфений проживал в Одесском Успенском монастыре, затем снова в архиерейском доме на должности смотрителя свечного завода.

К этому времени относится успех нового инженерного проекта, отмеченного на самом высоком уровне, – «об очень удобном и дешевом подъеме затонувших в Севастопольской бухте кораблей», за что о. Парфений от начальника Черноморского флота контр-адмирала Бутакова, а после и от великого князя Константина Николаевича Романова получил благодарность. 20 марта 1857 года за личное мужество во время военных действий и незаурядные изобретения о. Парфений был награжден наперсным крестом от Святейшего Синода, а 7 апреля произведен в игумена с назначением в Ферапонтьеву Дунаевскую пустынь. Помимо прочего, игумен Парфений имел бронзовый крест в память о Крымской войне, а также медаль и крест, учрежденный специально для служивших в Кавказской армии.

20 августа 1858 года игумен Парфений был назначен настоятелем Кизилташской киновии. С присущей ему энергией и талантом, с ревностью о славе Божией он стал устраивать и преображать древнюю обитель. Все современники отмечали его

удивительные и разнообразные способности, организаторский и хозяйственно-административный талант, неиссякаемую творческую энергию, благодаря которой ему удалось сделать то, что за всю историю монастыря никому более не удавалось. Из абсолютной разрухи и нищеты, без посторонней помощи (и даже сочувствия), при фактической неграмотности насельников киновии он смог добиться результата, заставившего ценить, уважать и любить игумена во всей округе, прислушиваться к его советам, искать его общества. Мужественный и всегда бодрый, он не был подавлен неприглядной обстановкой полной неустроенности, а господствовал над нею. Там, где безвременно гибнет или безвестно чахнет посредственный или слабохарактерный человек, он был победителем. В административном отношении игумен Парфений проявил мудрость и энергию, и вскоре стал пользоваться большим авторитетом. Влиянием собственного примера, решительной настойчивостью он всех, не только в монастыре, но и в округе поднимал до себя, не соглашаясь ни с какой безнравственностью и низостью. Его бескорыстного, по-отцовски заботливого любили и уважали, авторитет его неуклонно рос и укреплялся. Игумен становился духовно-нравственным ориентиром для всех, кто нуждался в окормлении. Самое малозначительное событие в жизни пасомых находило отклик в его отзывчивом сердце, освящалось его умом и согревалось его любовью. По выражению апостола, он был «всем все».

Известный писатель, педагог и путешественник Е.Марков писал в своих «Очерках Крыма»: «Это был мужественный и деятельный хозяин Кизилташских лесов. Он из пустыни стремился сделать домовитое, всем обильное хозяйство <...> и уже почти достиг своей цели. Он первый с зари до зари работал <...>. Горсть монахов помогала ему. Рабочих нанимать было не на что. В Кизилташской киновии до о. Парфения была только пещера с целебным источником да две-три плетенные мазанки. Парфений добыл все остальное. Он просекал дороги, ломал камень, пилил доски, жег известку и кирпичи, прививал черенки к лесным грушам, разбивал виноградники, копал колодцы.

Из пещерки в скале сделался целый скит с двумя гостиницами, церковью с келиями и разными службами. Лес кругом обратился в сад, в огород, в виноградник, в хлебное поле, застучала мельница на высоте гор, завелся табун лошадей и рогатый скот, богомольцы хлынули в Кизилташскую киновию <...>. Энергия, предприимчивость и хозяйственная опытность о. Парфения сделали его в некотором роде руководителем окрестных владельцев. Он был мастак во всем: архитектор, инженер, столяр, печник, садовник, скотовод, что хотите!.. К нему обращались за советом, ему поручались дела. Посещавшие Кизилташ, возвращались из пустыни, очарованные ее лесными красотами и простотой, сердечным радушием умного хозяина».

В 1863 году, оценивая таланты настоятеля, епархиальное начальство привлекло о. Парфения к постройке Свято-Параскевиевского храма в Топловском монастыре.

Как известно, жизнь монашеская без скорбей не бывает. Были они и у о. Парфения. Помимо всей громадности объективных трудностей, с которыми игумен справлялся с завидной легкостью, были и другие, специфические, связанные с перевоспитанием провинившихся клириков Таврической епархии, которых постоянно присылали в Кизилташскую киновию. Не склонные к переменам и не желавшие их в своей жизни, эти люди становились тягостным и неудобноносимым бременем для братии. Как правило, эпитимийцы просто переживали время своей ссылки. Не сообразуясь с уставом монастыря, они и там пытались проводить прежнюю жизнь. К тому же духовная консистория выделяла на их содержание недостаточно средств. Сложившуюся ситуацию игумен Парфений характеризовал следующим образом: «Кизилташская киновия по положению своему в горной части Крыма находится. Пахотной земли не имеет, весь нужный для прокормления продукт покупает в Одессе, Карасубазаре и иногда в Симферополе, и даже в Бердянске. Сборов никаких (по отвращению моему к сему способу добывания пищи) киновия не производит, праздных и тягловых людей в своем обществе не терпит, от епархиального начальства киновия ни содержания, ни денег и никакой

защиты от разбойников и грабителей не имеет, следовательно, предоставлена во всем самой себе, за исключением только того, что киновия должна давать отчет консистории к новому году и принимать сумму бремени посылаемых начальством конокрадов и других подонков Таврической губернии, давать им приют, отопление, освещение и содержание, каково ни в коем случае нельзя ставить в параллель с содержанием в Симферополе семинариста, хотя уже и потому только, что продукты в Симферополе гораздо дешевле феодосийских, а ежели считать перевозку оных до киновии, из которой по два и по три месяца совершенно нельзя добраться до Феодосии, а добравшись и нагрузивши дилижанс крайне необходимыми предметами, приходится ходить при дилижансе пешком, несмотря ни на какое состояние дороги, что не завидно было и что мне приходится часто иметь это удовольствие для доставления этим эпитимийцам возможности жить прилично. Из выше описанного епархиальное начальство усмотрит, как должен был меня обрадовать полученный мною в мае месяце консисторский указ о назначении мне новых нетрезвых и неспособных людей, из коих о. Трифилия я лично знал около 10 лет. На это консистория делает мне замечание, что я просил не присылать ко мне означенных лиц еще до прибытия их в киновию, как будто мне не было достаточно рекомендации о них, прописанных в Указе. Личное мое с ними свидание только подтвердило указанную аттестацию». Далее игумен писал: «<...> в Кизилташе все эпитимийцы пользуются наравне с братией: трапезою, чаем два раза в день и порциями водки или вина в известное время, священник Дьяков кушал и пил исправно, а по приглашению его на послушание у него оказывалось (по его словам) то головокружение, то колики в боку, то в спине. Не имея возможности проверить, что делается в его голове, боках, спине и прочее, я предлагал ему идти в келию успокоиться <...>, и он продолжал болеть при исправном аппетите до десяти дней, после чего я вынужден был от праздного человека избавиться, отпустив его к месту служения».

К этому времени относятся первые, ставшие роковыми, столкновения с местными татарами, которые без зазрения совести вырубали лес. Объясниться с ними о. Парфению не удавалось ни на бытовом, ни на административном уровне. Обладая удивительно прямым и цельным характером, не желая соотноситься с личной выгодой, а порой даже с инстинктом самосохранения, о. Парфений говорил и действовал только по христианской совести, не прикрытой декором так называемого и всеми почитаемого здравого смысла. Не имея сил разорвать круговую поруку и бюрократический формализм на месте, он обратился к начальнику Таврической губернии Солнцеву, но безуспешно. Не видя для себя никаких препятствий, удостоверившись в безнаказанности, татары продолжали бесчинствовать и воровать. Не желая подчиняться грубой силе и наглости, игумен написал епископу Таврическому Преосвященному Алексею: «Всепокорнейше прошу ваше Преосвященство защитить меня от произвола разбойников и грабителей, покровительствуемых властями Таврической губернии: иначе нет возможности охранять монастырские интересы от разбойников и грабителей». Далее не без горечи игумен сообщает, что всему этому безобразию покровительствует заседатель Феодосийского земского суда Феофани, которому «татары возят вино» и «в покровительстве которого они полагают всю надежду за свои проступки».

Со временем, утратив чувство опасности и вины, татары стали пользоваться монастырским добром как своим собственным. Как-то, застав татар на воровстве в очередной раз, игумен был жестоко избит. Е.Марков писал: «Фанатизм магометан помог видеть в христианском иноке смертельного врага. Заговорщики были строгие мусульмане, почитаемые своими».

«Учиненные мне побои действительно произошли, – писал игумен епископу Алексею, – в том я могу принять какую угодно присягу, если уж сан мой и с лишком двадцатилетняя моя всегда должностная четырьмя архиереями и оберсвященнику армии и флота беспорочная служба недовольно ручается за справедливость моих показаний».

Таврическая консистория в лице протоиерея Григория Брюховецкого оказалась нечувствительной к проблемам Кизилташской кинонии и к мольбам ее настоятеля и не стала себя утруждать выяснением положения дел. Ограничилась только пространном посланием, пропитанным созвучным времени бюрократическим морализмом, указав лишь на то, что личных уверений игумена не достаточно, а за энергичные, «излишне прямые выражения, оскорбительные для должностных лиц» он сам подвергается «немалой ответственности», и потому «воспретить ему на будущее как в обращении к епархиальному начальству, так и в других бумагах употреблять подобные выражения под опасением ответственности по закону».

Оказавшись заложником неблагоприятной ситуации, предчувствуя смертельную опасность, в поисках выхода, игумен писал Преосвященному Алексию: «Так как я в нанесенной мне токлукскими татарами и судакскими поселенцами в весьма большой обиде со стороны духовного начальства не нашел никакой защиты, но, напротив, встретил противодействие, то, не желая более подставлять свою грудь под удары татар, покорнейше прошу Ваше Преосвященство сделать зависящее распоряжение как о принятии от меня Кизилташской кинонии и обязательств по постройке церкви святой Параскевы, так равно и о моем месте пребывания.

Вашего Преосвященства нижайший послушник игумен Парфений.

18 мая 1863 года».

Духовная консистория запросила мнение благочинного таврических монастырей архимандрита Николая, и, не находя другой кандидатуры, способной так же успешно справиться с комплексом сложных проблем, решила оставить игумена на прежнем месте.

Накопившиеся за несколько лет противоречия разрешились внезапно. Громом среди ясного неба было для консисторского начальства письмо рясофорных монахов Симеона и Афанасия. В нем сообщалось, что 21 августа, в воскресенье, игумен отправился в Судак по своим надобностям. На следующий день, в три часа пополудни, он выехал обратно, чтобы успеть к службе Отдания Успения, но в монастыре так и не появился. Иноки посылали людей в Судак, но игумена не нашли. Два дня богомольцы ожидали отца Парфения, но так и разошлись не дождавшись. В тот же день в монастырь был отправлен духовник архиерейского дома иеромонах Петр из Крестовой церкви. Ему было предписано по дороге в Карасубазаре взять еще одного священника из греческой Никольской церкви о. Димитрия Родионова и, прибыв на место, оставаться там вместо игумена.

Дело приобретало настолько серьезный оборот, что сам губернатор взял его под свой контроль и отослал в Феодосийский уезд «для всяческого содействия полиции ассессора губернского правления Безобразова». В самовольное исчезновение игумена никто не верил. Он был слишком аккуратен и педантичен в выполнении своих священнических обязанностей.

Вскоре иеромонах Петр прислал отчет, в котором сообщалось: «Вскрыв келию, нашел личные вещи и деньги пропавшего: золотом 20 руб. 60 коп., серебром 125 руб. 25 коп. и кредитными билетами 393 руб., а также медными монетами 125 руб. 25 коп. Помимо прочего, обнаружено шесть серебряных ложек, ситечко, ковшик, две подозрительные трубы, золотые карманные часы, наперсный крест на цепи, бронзовая медаль и крест кавказский».

Преосвященный Алексий 1 сентября 1866 года сообщал в Святейший Синод оберпрокурору Ахматову: «<...> игумен Парфений не умышленно оставил кинонию, чтобы скрыться и уйти, например, за границу, и предложение местного полицейского начальства об убиении игумена правдоподобно, также далее по слухам игумен в этот проезд свой в местечко Судак получил из местного почтового отделения какие-то деньги, что могло быть известно некоторым лицам в местечке».

Понимая неординарность ситуации и желая составить собственное мнение, 10 сентября 1866 года епископ сам прибыл в Кизилташскую кинонию. Уже не сомневаясь в

насильственной смерти игумена, он назначил нового настоятеля из братии Космо-Дамиановского монастыря – «благонравного иеромонаха Николая» и благословил «молиться о упокоении о. Парфения, как об отшедшем от здешней жизни». Далее владыка писал в Святейший Синод: «В киновии и окрестных местностях знавшие и уважавшие его, с которыми мне случалось беседовать, выражают единогласно прискорбную уверенность, что он убит, именно там, где полицейским розыском открыта засада, близ горной лесной дороги в Кизилташ, недалеко от поворота с Судакской трактовой дороги. По разным догадкам полагают, что насильственная смерть нанесена ему для того ли, чтобы воспользоваться бывшими при нем деньгами или из мести по разным враждебным столкновениям его с окрестными жителями, каковые разбираемы были неоднократно в гражданских судах и консистории, именно татарами из числа живущих в Таракташе – татарском предместье Судака <...>. Татарка с сыном встретила игумена верхом на лошади близ самого поворота с Судакской на Кизилташскую дорогу (как это значится и в полицейском отчете), еще впереди встретила таракташского татарина верхом на лошади, ехавшего скоро к тому месту, где после найдена засада с табачными окурками, и все оглядывающегося в ту сторону, откуда тихонько ехал игумен. Поэтому полагают, что верховой татарин сторожил время выезда игумена из Судака и служил для бывших в засаде вестовым о приближении игумена. Местность же по дороге от пункта, где оказалась засада, к Кизилташу такова, что ни налево, ни направо с дороги ни пешему, ни верховому свернуть невозможно, ибо влево крутизна лесной горы, а вправо – глубокий и длинный овраг, как стремнина <...>.

Еп. Алексей

15 сентября 1866 г.»

Для розыска следов пропавшего игумена высылались команды по 200 человек крестьян из окрестных деревень. Прочесывали дорогу, лес, горы, но эти усилия ничего не дали. Казалось, игумен исчез бесследно.

В силу особой важности происшедшего губернским начальством было предложено: «Немедленно составить для производства строжайшего формального следствия об убийстве игумена Парфения особую специальную комиссию под председательством судейского следователя из чиновников особых поручений при губернаторе Вриоти, местного станового пристава и депутата от духовного ведомства». От Таврической епархии был представлен священник села Салы о. Иаков Черняев. Из Симферополя для раскрытия преступления 16 сентября был командирован талантливый следователь, капитан корпуса жандармов Охочинский. Благодаря его усилиям дело стало проясняться. Именно ему удалось во всех подробностях выяснить детали последних дней жизни Кизилташского настоятеля и выявить злодеев.

В своем отчете капитан Охочинский писал:

«Покойный игумен Парфений, 56 лет от роду, был в Кизилташской киновии более 7 лет. Проживая в 15 верстах от Судака, имел там много знакомых помещиков-землевладельцев: с вдовой Рудневой, лейтенантом Стевенем и помощником акцизного надзирателя Зотовым был в приятельских отношениях. Очень часто верхом приезжал в Судак. Происходил из мещан Елисаветграда. Покойный Парфений был человек очень неглупый, с научным образованием и весьма практическими сведениями в жизни. Он был для знакомых всегда приятный собеседник, столяр, плотник, сапожник, винодел, был полезен и словом, и делом. Вмешиваясь в хозяйство своих знакомых, покойный игумен не мог нравиться ни прислуге, ни их приказчикам. Заведуя постройкой дома в саду девицы Стевен, покойный игумен приехал в Судак 21 августа, а в воскресенье в 17.00 был у помещицы Рудневой. В этот же день ходил к Антону Христофоровичу Стевену, от которого вернулся в 23.00 и лег спать. 22 августа, в понедельник, о. Парфений встал в 5 утра и поехал в Айсовскую долину, в сад девицы Екатерины Стевен, для осмотра произведенных работ по постройке дома. Приказчиком там был Сеит Ибраим Сеит Амет оглу*. К Рудневой заехал

**Кстати говоря, ненавидящий игумена за его вмешательство в работу. Дело в том, что о. Парфений не раз ловил его на воровстве, нечестности и недобросовестном отношении к своим обязанностям. А как-то раз публично назвал его «плутом» и добавил: «Я раньше только думал, что ты мошенник, а теперь удостоверился». Разумеется, Сеит Ибраим был не в восторге от такой опеки и публично всячески бранил игумена, говоря, что если бы не игумен, он сам бы управлял постройкой дома, а так Парфений отнимает у него хороший заработок, вмешиваясь в хозяйственные дела Екатерины Стевен. «Все в руках игумена, а Сеиту выгоды никакой», – часто повторял Сеит Ибраим. Опасаясь быть выгнанным за бесхозяйственность и воровство, он даже написал письмо А.Х.Стевену с просьбой не слушать игумена и не оставлять его без куска хлеба.*

игумен в 7.00 часов, пил чай, а к 9.00 отправился в дом Антона Стевена, у которого завтракал в 11 часов и после чего, несмотря на приглашение Стевена остаться у него обедать, уехал в дом Рудневой, объясняя при этом, что ему необходимо спешить в киновию к вечерне, так как там ожидают его богомольцы. По прибытии в дом Рудневой он пообедал и часа в два выехал обратно в Кизилташ тем самым порядком, что и приехал.

Следы преступления были все закрыты, слухов, сплетен, толков, один другого неосновательнее, я слышал очень много; не пренебрегая ничем, я старался все проверить, чтобы прийти к какому-либо заключению. Наконец узнал, что опрошенный Безобразовым татарин Мустафа оглу, говорит, что, идя с матерью Фатьмой Умеровой в Таракташ, после встречи с игуменом они встретили, пройдя сажень 50 в лесу, таракташского татарина Якуба Сале Акот оглу, который шел очень поспешно с горы, и Мустафа попросил у него огня, чтобы закурить трубку, но получил отказ, и что в первом своем показании он не объяснил этого потому, что был сильно испуган.

Татарин д. Таракташ Якуб Сале Акот оглу, 50 лет от роду, показал, что 22 августа, в день исчезновения игумена, он рано утром отправился в горы в общественный лес на рубку дров, взяв с собой арбу, запряженную парой волов, а другую пару волов взял еще, чтобы пустить в лес накормиться. Нарубив хвороста, он после полудни возвратился в Таракташ, а потом пошел опять в лес, отыскивая пару волов. Шел поспешно и по дороге встретил Мустафу оглу, который просил у него огня. Не имея при себе, отказал ему, потом пошел далее, заходил к приказчику над лесом помещика Жирова, опросил там, не видели ли его волов, отправился дальше для розысков, наконец, найдя волов, поздно уже возвратился в Таракташ. На другой день он отправился в колонию Цюрихталь, за 40 верст, спросить знакомых ему колонистов, когда начнут пахать землю в с. Ельбузы. Встретил тамошнего русского крестьянина, которого не знает и указать не может, но который сказал ему первый, что пропал игумен Парфений. Далее Якуб объяснил, что заходил в с. Салы, оттуда в д. Челебик к своей родственнице, где ночевал, потом в колонию Цюрихталь и, наконец, возвратился в Таракташ.

Совместно со станovým приставом Орловским я проследил ход и проверил показания Якуба, ни в одной из указанной им местности он не был, и все рассказанное им не подтвердилось.

Находя показания Якуба слишком подозрительными, я потребовал его к допросу, объяснив ему всю важность дела, неосновательное его показание и падаемое на него подозрение. С помощью пристава Орловского и командированного ко мне для перевода татарского языка заседателя уездного суда Кондараки успел уговорить Якуба показать все, что ему известно об убийстве игумена. Якуб просил защиты от татарского общества, которое убьет его, если он скажет правду, объяснил следующее: когда он шел искать пару волов в лес по дороге к Кизилташской киновии, он услышал один выстрел и вслед за ним еще два, думая, что кто-то из охотников убил дикую козу, он по дороге пошел далее; пройдя с четверть версты в гору, он увидел на дороге кровь и потом следы. Что-то волокли с дороги в левую сторону на боковую лесную дорогу; пройдя более 100 шагов, он увидел лежащего на груди сбоку дороги убитого игумена. Приказчик Стевена татарин

Сеит Амет Есмерали осматривал карманы убитого, татарин села Таракташ Эмир Усеин Абдураман оглу держал лошадь игумена. Приказчик же девицы Стевен, родственник двух первых татар Сеит Ибраим Амет оглу показался сзади его, Якуба, и закричал: «Что вы не стреляете в него?!» Двое из означенных татар с ружьями подошли к Якубу с намерением застрелить его, сказав: «Зачем он пришел сюда?» Якуб упал на колени, прося пощады, клялся им женою, детьми. Говорил, что пришел чисто случайно, ища волов, и что он никому не расскажет, если бы помиловали его. Затем преступники подняли игумена, перевалили через лошадь и пошли дальше в лес, в горы. Один вел лошадь, другой держал игумена за ноги, Якубу приказали идти за хвостом лошади, а третий с ружьем шел за Якубом. Когда переваливали игумена на лошадь, Якуб видел рану на правой стороне груди навывлет, на левой стороне груди только кровь. Пройдя версты полторы, злодеи остановились в котловане, сбросили игумена на землю и стали думать, что делать с лошадью. В начале хотели отвести ее в Мордвинский лес, но потом решили убить ее. Набрав сухого хвороста (Якуб, моля о пощаде, по татарскому обычаю в знак вечного молчания ел землю, давая мусульманские клятвы, и поневоле сделался сообщником дальнейших действий. Его заставили собирать валежник и делать костер), зажгли костер и положили убитого игумена на огонь в одежде, как он был. На нем был атласный кафтан, фетровая шляпа и башлык. Это было перед заходом солнца. Возле огня просидели до полуночи. Все время, пока сжигали убитого (с 18 до 2.00 ночи), держались на расстоянии и только поддерживали огонь. Иногда переворачивали труп и разбивали кости дрючьями. Через некоторое время вернулся Сеит Амет и сказал, что лошадь вначале застрелил, потом, дорезав, спрятал, забросав лишайником и тутом. И тут же объявил, что ему надо быть в Судаке, так как он обещал Герману Шамли ночевать у него, но потом все же остался. В это время Якуб слышал разговоры: Сеит Ибраим удивлялся, что при игумене не оказалось денег (в тот день в Судаке он действительно получил какой-то денежный перевод). Раскрыв бумажник, он нашел только мелкие серебряные монеты и передал его Сеит Амету. Затем обратился еще раз к Якубу с вопросом: «Как ты сюда попал? Ведь ты повез хворост в деревню?» Потом обратился к Эмир Усеину, из разговора с которым Якуб понял, что они поджидали игумена еще в пятницу. Видя, что тело игумена сгорело, злодеи, набросав еще хворосту и не потушив огня, отправились домой вместе с Якубом; в Таракташ возвратились около двух часов ночи. Не доходя до деревни, Якуба заставили еще раз повторить клятву и под угрозой смерти не говорить никому о совершенном убийстве.

После этого показания я сделал немедленное постановление арестовать указанных Якубом трех татар, допросить их, где они были в понедельник 22 августа после обеда и ночью на вторник, далее, не давая им способа сговориться, так как ни в Судаке, ни в Таракташе, где только одно Таракташское общество, содержать их негде, вывезти поодиночке немедленно, за тридцать верст в русскую деревню Салы, для чего и просил прибывшего в Судак феодосийского исправника, станowego пристава и заседателя Кондараки принять участие и каждому из нас одновременно отправиться для арестовывания, допросов и отвоза в Салы преступников; аресты, отвозы и допросы преступников поодиночке в д. Салы были произведены внезапно, быстро и одновременно. Указанные ими свидетели, что они были дома и на своих местах 22 числа в понедельник и ночь на вторник, показали, что именно в это время их никто не видел, и где они были – никому не известно. При сделанном у преступников обыске у всех трех найдены ружья, а у одного из них, приказчика Стевена Сеит Амета, в кармане шаровар вынуты мелкою серебряною монетою четыре рубля шестьдесят пять копеек. Деньги эти дают право подозревать, что это собственность игумена потому, что служанка госпожи Рудневой заявила, что перед отъездом игумена из Судака она видела у него три рубля, а может быть и более мелкою серебряною монетою. Затем я пригласил несколько помещиков из Судака, еще пятерых татар из села Таракташ и, взяв с собою татарина Якуба Сале Акот оглу, отправился в лес, в горы для указания и проверки места, где был убит и сожжен покойный

игумен Парфений. Якуб без замешательства и с полным сознанием указывал место, где услышал выстрелы, потом показал место, где увидел кровь, след и потом [место], где лежал убитый игумен; наконец довел до места, где сожгли его. Место это представляет в горах котловину, окруженную со всех сторон горами, пепелище или обозначенное место представляет продолговатое пространство в 2,5 [аршина] длины и 2 аршина ширины, утопанное и заброшенное необгоревшими камнями. По разобрании камней и раскопав золу, было найдено много небольших обгоревших костей, два сустава от пальцев и несколько зубных корней. Все найденные кости я собрал и тщательно уложил в вате в коробку. (Оставшиеся после костра золу и пепел исследовала специальная комиссия и показала, что кости – часть бедровой кости, фаланга пальцев, часть ключицы – раздроблены насильственно. Кроме того, в пепле были обнаружены следы горения мягких частей тела и шесть сапожных гвоздей.) Потом, как место сожжения было уже обнаружено, я приказал всю оставшуюся золу собрать и препроводить для хранения к священнику в Судакскую церковь впредь до распоряжения епископа Таврического. Затем, спустившись на обратном пути вниз шагов пятьсот, помещиком Золотовым найдена одна обгоревшая кость, по-видимому, часть человеческой ключицы. Надо предположить, что злодеи имели много времени для сокрытия следов своего преступления, все большие оставшиеся кости куда-нибудь вывезены.

Возвратившись в местечко Судак, я приказал собрать все татарское общество из Верхнего и Нижнего Таракташа и, взяв с собою Якуба, объявил им, что действия Якуба по обнаружению убийцы игумена Парфения уже им известны, а потому Якуб с семейством и имуществом отдается под надзор всего общества, что правительство, преследуя преступников для охранения общества, должно непременно находить сочувствие и содействие общества, без чего открытие едва ли возможно, а потому было бы желательно на будущее время, видеть их всех подражателями Якуба и заявителями полного презрения к убийцам.

Нимало не медля, я отправился в Судак, где содержались преступники, для окончательного допроса в сделанном ими убийстве игумена. Опрошенные все три поодиночке не сознались в преступлении, сказав, что об убийстве игумена они ничего не знают. Я сделал распоряжение об отправлении преступников впредь до производства формального следствия поодиночке под строгим караулом в г. Феодосию для содержания в секретных камерах тюремного замка. Поручив становому приставу разыскать лошадь игумена в местности, куда ее повели и где указал татарин Якуб, затем возвратился в Симферополь.

Успешному открытию убийц игумена я много обязан становому приставу Орловскому и знающему татарский язык заседателю уездного суда Кондараки; оба эти чиновника мне много содействовали к установлению возложенного на меня поручения. Составленное мною дознание на 14 листах, две коробки с костями убитого игумена и мелких серебряных монет 4 р. 65 коп., при сем Вашему Превосходительству представляю.

Капитан Охочинский

5 окт. 1866 г.»

Почитатели игумена Парфения устроили специальный гроб для его останков, который находился у священника Василия Косовского в Судакской церкви. 15 ноября пришло распоряжение отслужить заупокойную литургию и в черном облачении торжественно проводить гроб убиенного игумена на место захоронения, что и произошло 2 декабря 1866 года.

Между тем следствие продолжалось. Желая смягчить свою вину, Якуб уверял чиновников, что сам Бог специально послал его в лес, чтобы тем самым открыть преступление, но он не решался заговорить об этом, страшась угроз неминуемой расправы, а совесть его все же мучила, и он открылся 24 октября своей жене, а после рассказал брату Сеит Эмиру Сале. Тот дал ему практический совет: «Молчи! Ты не

знаешь русских законов: убийц ты не уличишь, а сам погибнешь». И потому испуганный Якуб, послушав соплеменника, молчал, питая свой страх новыми угрозами.

Недели через две Якуб встретил Сеит Ибраима, который, заведя его в сад, грозно предупредил: «Ты уже говорил о «том» с Эмир Сале – это еще ничего. С Эмир Сале говорить можно. Но попробуй пикнуть об этом кому другому – тебе первому будет железо; мы богаты, мы спустим с тебя кожу, шашлык из тебя сделаем, сам под себя костер будешь готовить, сам будешь для него хворост носить».

Невзирая на показания Якуба, вещественные доказательства, прямые и косвенные улики, преступники не сознавались.

Сеит Амету Эмиру Али оглу было двадцать шесть лет и он работал у А.Стевена приказчиком. Сеит Ибраим Амет оглу был сорока двух лет и работал приказчиком у Екатерины Стевен. Эмир Усеин Абдураман оглу имел от роду двадцать семь лет и уже успел побывать под судом за воровство со взломом. Все они были из Таракташа. Якуба называли «ложным изветчиком» и все отрицали. Еще долго тянулось бы расследование, если бы не объявился новый очевидец, проливший дополнительный свет на происшествие в лесу. Оказалось, что тринадцатилетний Сеит Мемет Курт оглу в то время искал в лесу своих лошадей. Услышав выстрелы, пошел на них, чтобы спросить, не видели ли охотники его лошадей. В шагах двадцати, из-за кустов он увидел мертвого человека, перекинутого через седло, и трех своих односельчан. Четвертый стоял на коленях и, давая какие-то клятвы, целовал и ел землю. Страх парализовал Сеит Мемета. Пытаясь убежать, он был замечен когда упал, зацепившись за ветку. К нему бросился Сеит Ибраим и с проклятиями ударил мальчика о землю. Потом достал нож и хотел зарезать, но Эмир Усеин заступился и предотвратил новое убийство. От ужаса в уме Сеит Мемета все спуталось. Он потерял сознание и когда очнулся, вокруг никого не было. Не ощущая себя, он пришел домой и только через три дня, едва справляясь со страхом, рассказал старшему брату, что его хотели зарезать в лесу. Но кто именно – сказать побоялся, и не случайно. Через несколько дней после убийства между садами его встретил Сеит Ибраим и доходчиво объяснил: «Вот Якуб на нас хочет сказать, а если ты только скажешь кому-нибудь, что видел нас, то не успеешь оглянуться, как я тебя зарежу». А на следующий день, чтобы отрок не усомнился в их решимости, проходя мимо, сказал: «Если завтра скажешь – завтра мы тебя и зарежем». И другой убийца Сеит Амет высказал подобную решимость. Проезжая верхом мимо отрока, он как бы между прочим обронил: «Если скажешь кому, света больше не увидишь». Одним словом, всякий раз встречая мальчика в немногочисленном Таракташе, убийцы говорили, что с ним будет, если он заговорит о преступлении. Обо всем этом Сеит Мемет рассказал следователю и не побоялся повторить на очной ставке. Достоверность рассказа, знание места преступления и подробностей происшедшего полностью совпадали с рассказом Якуба и не вызывали никаких сомнений.

Вскоре в том месте, которое указал Якуб, была найдена закопанная не более чем на пол-аршина рыжая лошадь с отрезанной головой. По белому пятну на задней правой ноге и другим приметам нашедшие узнали лошадь, принадлежавшую игумену. Обстоятельства преступления становились очевидными.

Но 25 июня 1867 года Якуб Сале Акот снова явился в суд и дал дополнительные показания. 22 августа 1866 года в лесу он видел не трех преступников. Был и четвертый – родной брат подсудимого Эмира Али оглу, с которым он отводил лошадь, – Сеит Мемет Эмир Али оглу. Сеит Ибраим был сторожем у дороги, Сеит Мемет – сторожем на горе по дороге от Кизилташа. Об участии Сеит Мемета Эмира Али оглу Якуб умолчал, не сказал сразу, так как он софта (то есть ученый, готовящийся стать муллой), а говорить дурно о духовном лице, по их религиозным представлениям, считается таким же грехом, как говорить дурно о самих пророках. И кто говорит дурно о духовном лице, тот будет отвержен от общества и даже от своего семейства. А с другой стороны, он, Якуб, обязан

ему жизнью, так как именно Сеит Мемет уговорил Сеит Ибраима и Сеит Амета не убивать его. И поручился за Якуба как за правоверного мусульманина.

После этого признания, уже нисколько не сомневаясь, что ему будут мстить, Якуб еще раз попросил защиты. В противном случае, если власти не смогут гарантировать его безопасность, он умолял, по крайней мере, перевести его с семьей на жительство в другое место.

Но не все односельчане оказались врагами Якуба. После столь решительного поступка двадцать таракташских жителей заявили официально, что они убеждены в виновности арестованных, поддерживают Якуба и одобряют его действия.

Между тем стало известно, что преступники хотят подкупить некоего Бекира за 1000 рублей серебром, чтобы он взял вину на себя. Бекира посадили в смежную камеру с Сеит Мемет Эмир Али оглу, и ему удалось узнать непосредственно, где была закопана (уже найденная) лошадь убиенного, кому было продано седло, и что плеть и уздечка были зарыты и завалены колючками в деревне Карчалыш. Ружье же, из которого стреляли, было брошено в старый колодец, находящийся в саду усадьбы, где служил Сеит Ибраим.

Раскрылось и другое обстоятельство. Во время прочесывания леса был найден костер в котловине, в котором сжигали тело убиенного, о чем было сообщено голове Таракташской волости Мейназову, близкому другу преступников. Он, как подтвердили очевидцы, махнув рукой, сказал: «Молчите, чтобы не обнаружилось». Мейназова арестовали, и ему пришлось долго и затруднительно объяснять свой поступок: как, зная о костре, он не знал о преступлении, почему приказал молчать и сам никому не сообщил.

Убийц игумена Парфения судил феодосийский военно-полевой суд. Защитником обвиняемых был назначен некий революционно настроенный адвокат Алексей Петрович Барановский. С самого начала обнаружилась его предвзятость. Из всех сил он пытался представить дело как политическое, а убийц игумена жертвами режима. Вел себя дерзко и даже противозаконно, но, исчерпав свои сомнительные возможности, оказался в затруднительном положении. Чтобы сохранить лицо, 19 октября 1867 года Барановский публично оскорбил суд и демонстративно отказался от возложенной на него защиты подсудимых.

В архиве сохранился документ, характеризующий деятельность адвоката: «<...> увлекая разных лиц к ложному свидетельству по делу то мерами убеждения, то подкупом, Барановский составил особую партию для того, чтобы противодействовать и парализовать действия суда в изложении доказательств к обнаружению истины, и, наконец, нанес оскорбление суду в публичном заседании, почему суд просит разрешения о назначении вместо Барановского нового защитника». Вопрос ставился даже о предъявлении обвинения Барановскому.

По приговору военно-полевого суда трое из главных обвиняемых были приговорены к смертной казни. Сеит Мемет Эмир Али оглу, присутствовавший, но не принимавший участия в злодеянии и спасший от смерти двух свидетелей, был сослан.

Трудами помещицы Рудневой, на деньги почитателей игумена был построен памятник. Е.Марков писал: «В самой гуще леса, не доезжая часу до Кизилташского монастыря, в тихой, полутемной лощине, мы поравнялись с беломраморным памятником, осененным высоким крестом. Крест этот сложен из необтесанных стволов деревьев, обвит гирляндами дикого винограда и, в обстановке пустынного леса, представляет поэтическую картину», наполненную мистическим присутствием кровавого происшествия, о чем Е.Марков пишет далее: «Грек <...>, проезжая с товарищем под вечер мимо страшного оврага, где сожгли Парфения, явственно слышал громкие стоны и выстрел из ружья; лесничий и дровосеки постоянно слышат по вечерам эти сверхъестественные выстрелы и стоны в овраге».

На этом, казалось, должна бы закончиться печальная история предумышленного убийства. Но, как это часто бывает, разоблаченное зло находит спасение во лжи.

Через мутные очки политических пристрастий адвокат Барановский увидел в игумене своего идейного врага. Не сумев защитить преступников и оправдать злодеяние, он смог спровоцировать эмоциональную волну, в которой родились мифы, не утратившие своей привлекательности для татар и поныне. Один из них утверждал, что о. Парфений бежал в Европу и стал революционером (и это после более чем тридцатилетней монашеской жизни). Другой – что, украв сам у себя деньги, игумен через несколько лет в поезде за границей почему-то стал рассказывать об этом какому-то чиновнику. И еще один, более красочный. За карточным столом в Монте-Карло зашел разговор о нашумевшем преступлении, на что один из проигравшихся сказал с усмешкой, что он и есть тот самый сожженный игумен, о котором они говорят. И вот сейчас успешно проигрывает последние деньги заштатного монастыря.

Жизненная сила и устойчивость этих фантазий состоит в том, что они, будучи ниже критики, и вне здравого смысла, в то же время бывают удобным материалом для идеологических спекуляций. Так, в 1935 году А.Б.Дерман (урожденный Беркович Абрам Борисович), воодушевляясь не только классовым чутьем, но и политическим заказом, соорудил целый роман «Дело игумена Парфения», в котором расставил всех согласно канонам соцреализма и своим пристрастиям. Читая роман, невольно поражаешься, насколько тщательно Дерман А.Б. отработывал поставленную официальной идеологией задачу: свободно, с подлинным художественным вдохновением и мало скрываемой неприязнью ко всему русскому, он разыграл и обставил каждый исторический факт таким образом, что получилась органическая, самодостаточная ложь, объем и качество которой затруднительно оценить без знакомства с архивными документами.

Внучатый племянник главного заговорщика Сеит Амета, в свою очередь вдохновленный романом Дермана и местными легендами, при поддержке татарских националрадикалов, вопреки существующим законам, 18 мая 1998 года установил памятник убицам игумена Парфения как мусульманским мученикам и национальным героям. Возле оживленной Судакской трассы, недалеко от с. Дачное (бывший Таракташ), в несомненно удачно выбранном месте, на большой горизонтальной площадке, обнесенной бордюром, на пьедестале, сложенном из необработанного гранита, возвышается мраморная стела с выразительным символическим содержанием. Внизу барельефа изображен полуостров Крым, на котором красуется тамга – родовой знак крымских Гиреев, а из-под нее выходит виноградная лоза как символ жизни и вплетается в решетку (подразумевается, видимо, тот период, когда воинственный крымскотатарский народ потерял свою государственность в борьбе с Российской империей и не сумел ее обрести в советский период), прорастает через нее и разрастается над нею могучими ветвями. Сделано образно и выразительно, с ясно читающимся смыслом. Возле стелы – другая мраморная плита, на которой высечены имена казненных убиц игумена Парфения. Чуть ниже, на турецком языке – эпитафия: «Огонь упал на Таракташ. Мы стали жертвами и преданы земле и камням». Неподалеку находится могила со скульптурным изображением чалмы, а в нескольких метрах от нее установлен флашток – голубое знамя все с той же тамгой.

Вдохновленное определенной идеологией, хорошо продуманное художественное решение рисует убедительную картину борьбы и победы крымских татар, в которой были народные страдания и невинные жертвы.

Именно им, «невинным жертвам» царизма, мусульманским «мученикам», память о которых для татар свята, сооружен этот комплекс.

В мире идеологических фантомов не все просто, и только выяснив источник вдохновения, можно понять, почему та или иная сторона действовала именно таким образом.

Болезненная актуальность данной проблемы коренится не столько в самом факте преступления, сколько в его интерпретации; в столкновении и пересечении нескольких взаимоисключающих традиций.

Либерализм Барановского, его революционные симпатии, так же, как и марксизм Дермана, заведомо предполагают в татарах несомненные жертвы царизма, а в уголовном преступлении -- классовую реакцию на социальную несправедливость. И соответственно в игумене видят представителя враждебного мира, обреченного на неизбежное и справедливое уничтожение, формы и механизмы которого определяются целесообразностью.

Для бытового, секуляризированного сознания происшедшее не более чем уголовщина, карающаяся по закону.

Мусульманская же традиция в казненных за убийство не просто гяура, а священнослужителя видит мучеников и героев, безвинно пострадавших от неверных, от враждебного в религиозно-правовом и национальном отношении царского правительства. За пределами национальной жизни и предписаний ислама для них начинается неинтересный, чуждый и даже враждебный мир.

В свою очередь православный мир отчетливо усматривает в игумене Парфении, настоятеле Кизилташской киновии, подвижника и христианского мученика, и выйти за пределы этой очевидности не может.

Литература

1. ГААРК. Ф. 83504, д.33 в 3 т.
2. Марков Е. Очерки Крыма. – Симферополь, 1995. - С. 297–304.
3. Таврические епархиальные ведомости. – 1878. №24. – С.1018 – 1022.